

Чтобы пораньше отведать горячей еды, все усердно трудились пол-ночи. Каркас кухни был полностью собран, а остальную работу решили оставить на утро.

Видя, что старшие соученики собираются отдыхать, Фэн Синхэ постеснялся и дальше затягивать время. Медленно, шаг за шагом, он поплёлся обратно на вершину горы.

К счастью, Учителя во дворе не было, а дверь его комнаты была наглухо закрыта и не излучала ни малейшего лучика света — судя по всему, он уже спал.

Фэн Синхэ на цыпочках вернулся в маленькую бамбуковую хижину, рухнул на кровать и, ворочаясь с боку на бок, никак не мог уснуть. Внутри него бушевало какое-то странное пламя.

Ах! — рот его широко раскрылся, но голос звучал жалко и тихо.

Он вовсе не смел громко кричать, ведь две комнаты находились так близко друг к другу.

Мягкий лунный свет струился по Тяньчи. Вода в озере была ледяной и пронзающе холодной, а Линь Цинмэн, закрыв глаза, погрузился в неё по самые плечи; белоснежная нижняя одежда туго облепляла его тело.

В тишине горных лесов, помимо непрекращающегося стрекотания насекомых, он расслышал шаги. Ого, и чего это глупый мальчишка притащился сюда посреди ночи?

У, Учитель? — вскрикнул от неожиданности Фэн Синхэ и тут же торопливо прижал руку ко рту.

Его и впрямь снедало такое беспокойство, что уснуть не получалось. Вспомнив, что у края двора находится водопад, он решил искупаться, чтобы сбить внутренний жар.

Из-за этого резкого движения медный таз, который он прижимал к груди, выскользнул. Фэн Синхэ суетливо заметался, пытаясь его поймать, и едва-едва удержал у самой земли.

Он никак не ожидал, что истоком водопада окажется столь огромное озеро Тяньчи, и уж тем более не думал, что посреди ночи Учитель будет принимать ледяную ванну с обнажённым торсом.

Фэн Синхэ опустил голову, уставившись на таз в своих руках, и старался больше по сторонам не глядеть. Какой же белый Учитель в лунном свете! И всё же... Он украсил краем глаза бросил ещё один взгляд: на левой груди Учителя виднелся уже сильно побледневший шром шириной в пол-ладони, судя по всему, оставленный немало лет назад.

Интересно, какой же мерзавец сотворил такое, посмея изуродовать столь безупречное и непорочное тело.

Лишь услышав звук, Линь Цинмэн открыл глаза и посмотрел на берег. Словно бы небрежно окинув Фэн Синхэ взглядом с ног до головы, он безмятежно произнес:

— Ты тоже любишь купаться по ночам? Тогда полезай в воду.

— Я...

Фэн Синхэ опустил взгляд на медный таз в руках: если он сейчас скажет, что просто проходил мимо и вовсе не собирался купаться, Учитель ведь наверняка не поверит?

Фу...

Он мысленно сделал несколько глубоких вдохов. Эта вода выглядела донельзя холодной, так что любой внутренний жар тут же должен был сойти на нет.

Фэн Синхэ, утешая себя мысленно, принялся стягивать верхнюю одежду и нижнее халатно-подобное исподнее. Его пальцы, уже тянувшиеся к завязкам нижнего белья, на мгновение замерли: пожалуй, нижнюю сорочку лучше всё-таки оставить.

— Как холодно!

Стоило только войти в воду, как ледяная стужа заставила его вздрогнуть всем телом. Взглянув на Учителя, он заметил, что тот остался на прежнем месте и снова закрыл глаза.

Сжав зубы, Фэн Синхэ побрел вглубь озера, то и дело вздрагивая от озноба. И впрямь: дурное пламя угасло без следа.

Он принялся плескаться на довольно большом расстоянии от Линь Цинмэна, хотя и то и дело украдкой бросал на него взгляды. Закончив глазеть, он зачерпывал полнейший таз холодной воды и выливал её себе на макушку, поднимая тучи брызг.

То ли ночью подул ветер посильнее, то ли течение в озере оказалось слишком быстрым, но Фэн Синхэ вдруг потерял устойчивость.

После того как очередная порция холодной воды окатила его с головы до ног, он чуть не рухнул прямо в озеро. А ведь тут рядом находился водопад — оступись он, и его тут же унесло бы потоком!

— Ой! Таз, таз, мой таз!

Удержаться на ногах кое-как удалось, а вот медный таз тем временем уплыл вместе с

течением, удаляясь от него всё дальше и дальше.

Услышав шум, Линь Цинмэн снова открыл глаза. Его руки под водой сложились в несколько новых мудр, и легкий порыв ветра услужливо подтолкнул таз обратно.

— Это техника управления ветром, базовое заклинание стихии дерева. Когда освоишься на Горе Чжаоя, тебе нужно будет начать усердно её культивировать.

— Благодарю Учителя, ученик непременно будет стараться!

Фэн Синхэ обхватил руками вернувшийся таз, его лучистые глазенки захлопали, взгляд сделал круг и в конце концов снова уперся в Линь Цинмэна.

Линь Цинмэн, стоя к Фэн Синхэ спиной, беззвучно закусил губу и улыбнулся, но, обернувшись, вновь принял прежнее холодное и отстранённое выражение лица.

Накупавшись вволю, он запрокинул голову, легко откинул назад длинные мокрые волосы, собирая их вместе, а затем направился к берегу, где лежала одежда. Проходя мимо Фэн Синхэ, он мягко напомнил:

— Ночью холодно, а вода ледяная, не сиди здесь слишком долго.

Фэн Синхэ во все глаза уставился на него, судорожно и громко сглатывая слюну. Когда Учитель запрокидывал голову, его шея казалась такой тонкой, длинной и белой, что ему отчаянно хотелось броситься вперед и приложиться к ней зубами.

— Что?

— А! Да, хорошо! Ученик понял!

Внезапно услышав голос Учителя прямо посреди своих греховных фантазий, Фэн Синхэ испуганно вздрогнул и затараторил, торопливо соглашаясь со всем подряд. Он тут же попытался повернуться, но его тело почему-то неумолимо потянуло назад — неужели в этом озере было подводное течение? До чего же опасное место!

Бульк... Буль-буль-буль...

Он отчаянно забарахтался в воде. Хотя озеро казалось не слишком глубоким, быстрое течение не позволяло ему подняться на ноги.

В этот момент Фэн Синхэ в глубине души всё еще переживал за свой таз: новенький ведь,

нельзя же его потерять!

Уголки губ Линь Цинмэна тронула легкая улыбка. Сделав два шага, он в одно мгновение вытащил парня на поверхность: правой рукой он прижимал его к себе, а левой держал медный таз.

— Воды наглotalся?

— Кхе-кхе!

— Нет, не наглotalся.

Подталкиваемый к берегу, Фэн Синхэ лишь спустя несколько шагов с изумлением осознал, что рука Учителя по-прежнему обвивает его талию, а сам он, выходит, прижимается к Учителю всем телом?

Только что угасшее пламя вновь взметнулось с новой силой. Ах, если бы только можно было поменяться местами!

Линь Цинмэн чутко уловил, как тело в его объятиях вдруг вмиг обмякло и напряглось одновременно. На этот раз даже уголки его губ взмыли вверх, рука на талии чуть сильнее сжалась, а сам он слегка склонил голову:

— Здесь сильное течение, ступай осторожнее.

Это дыхание, лёгкое, словно пушинка, целиком осело на ухо Фэн Синхэ.

Фэн Синхэ чувствовал, что закипает — его уши, должно быть, уже прожарились насквозь.

Вся его спина плотно прижималась к груди Линь Цинмэна. Учитель оказался совсем не таким, каким он его себе воображал: ни хрупким, ни мягким, его грудь ощущалась невероятно крепкой, да и в объёмах...

Буль-буль-буль...

Собрав все силы, он без предупреждения присел в воду, погрузившись с головой так, что над поверхностью виднелась лишь макушка.

Линь Цинмэн тихонько рассмеялся и снова вытащил его наружу, правда, на этот раз просто схватив за руку.

— Ты что удумал? Еще не накупался?

Хорошего понемногу, на сегодня хватит.

Фэн Синхэ вмиг пришел в себя и принялся яростно мотать головой:

— Накупался, накупался! Я просто... просто хотел еще раз умыться.

— ...

— Тогда вылазим на берег.

Вытащив парня на сушу, Линь Цинмэн тут же отпустил его руку, неторопливо накинул верхнее халатное одеяние и, забрав остальную одежду, первым направился к небольшому двору.

Фэн Синхэ с медным тазом в руках молча плелся следом, то и дело бросая на Учителя жгучие взгляды, то принимаясь бить себя в грудь и обзывать последним зверем.

Остановившись у бамбуковой хижины, Линь Цинмэн подождал мешкавшего Фэн Синхэ:

— Завтра или послезавтра сходишь со старшими соучениками закупить провизии и утвари, заодно немного осмотришься в горах. А на третий день начнешь культивацию.

Возможно, Пик Циу находился настолько высоко, что щербатые лунные диски казались до неприличия близкими, до неприличия яркими, а окутанный лунным сиянием Учитель — до неприличия прекрасным.

С его влажных длинных волос всё еще капала вода: капельки стекали с висков по щекам на шею, а оттуда — под ворот одежде. Его нежная, безупречная белая кожа от этого казалась еще более мягкой, а прохладный и чистый взгляд словно подернулся влажной дымкой, отчего во взгляде проступило куда больше мягкости.

— Ученик понял.

Фэн Синхэ, не отрывая глаз, кивал в такт словам Линь Цинмэна и невольно затаил дыхание. Лишь когда Учитель скрылся за дверью комнаты, он наконец шумно выдохнул, а его кадык судорожно задвигался вверх-вниз. Фух...

К счастью, он снова ожил.

Линь Цинмэн переоделся в сухое платье и долго стоял у окна.

Уже полмесяца он бесчисленное количество раз исследовал ауру Фэн Синхэ: у того не было ни малейших признаков наложенных магических проклятий, он просто-напросто начисто забыл свое прошлое. При любой попытке вспомнить у него начинала раскалываться голова, и вдобавок парень сам придумал себе жалостливую историю о том, что он сирота без роду и племени.

Либо он действительно сильно ударился головой после того, как тот ушел, либо что-то пошло не так с его собственным заклинанием — в конце концов, он применял его впервые, так что переборщить с силой было вполне возможно.

К счастью, никаких бед парень не натворил.

Но судьба и небеса распорядились по-своему: глупый мальчишка волей случая снова стал его учеником.

И это поистине прекрасно: он смог совершенно открыто вернуться на Гору Чжаояо, да и у него самого появилась возможность как следует залечь пропасть между ними.

Верно говорят: горбатого могила исправит, а дурная привычка останется. Даже потеряв память, страсть глупого мальчишки к красивым лицам не уменьшилась ни на йоту. Ну и ладно, пока он не переходит границы, пусть... пусть балуется.

Раз уж он снова попался ему в руки, нужно хорошенько откормить его, прежде чем съесть — растить до тех пор, пока сам добровольно не пожелает сдаться, пока не придет умолять его об этом.

Бессмертный Цяньйюй спал на редкость сладко и безмятежно.

А Фэн Синхэ лежал на кровати, и стоило ему только закрыть глаза, как в воображении тут же возникал образ Учителя с полурасстёгнутым воротом в лунном свете, отчего внутри разгоралось всё более сильное пекло.

Он ни капли не сомневался: будь перед ним обычный человек, а не его собственный Учитель, он бы без малейших колебаний, наплевав на всё на свете, бросился на него.

— Учитель...

Совершенно беззвучно Фэн Синхэ вновь и вновь шептал это имя, зажмурившись и начиная мелко дрожать.

Наступил следующий день.

Фэн Синхэ поднялся спозаранку, но Линь Цинмэна не обнаружил: дверь в комнату Учителя была распахнута настежь, однако внутри никого не было.

— Ты про Учителя?

Вэймин легонько постучал младшего соученика по лбу — какое же это, оказывается, приятное чувство! — и пояснил:

— Старейшина ушел из дому с раннего утра. В Долине Блаженства в последнее время беспокойно, вот он и отправился навести там порядок.

— Долина Блаженства?

Фэн Синхэ отроду не слыхивал о таком месте.

Вэймин цыкнул языком: до чего же этот младший братец невежественен! Но это и замечательно, теперь он, старший соученик, сможет его поучить.

Долина Блаженства — одна из трех крупных сект Заклинателей Тьмы, а их логово находится на Горе Жун. Слышал про Гору Жун? Цинцю, Гора Жун и наша Гора Чжаояо образуют треугольник.

В последнее время многие из их адептов воспользовались отсутствием Учителя и попытались прорваться через наш барьер, вот он и отправился преподать им урок.

Фэн Синхэ слушал чрезвычайно внимательно, мысленно наматывая всё на ус. Раньше он и впрямь ничегошеньки не знал об этих бессмертных сектах.

<http://bllate.org/book/22359/2344021>